

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ

КАРИНЭ ЦАТУРЯН

Исследования внутренней речи, в каком бы направлении они ни велись, приводят к проблеме предикации. Психологическая предикация еще на начальном этапе исследования была выделена как основная характеристика процесса внутренней речи. Л. С. Выготский отмечал, что «положение о предикативности внутренней речи имеет центральное значение для всех связанных с этим вопросом проблем».¹ В большинстве работ предикация сводится к субъектно-объектным отношениям или к соотношению темы и ремы на уровне актуального членения. Так, например, при поражении передних отделов «речевой зоны» левого полушария, при синдроме динамической афазии нарушения предикации у больного связываются с «нарушением того соотношения темы и ремы, которое обеспечивает единство высказывания».² При восстановительном обучении больных афазией, согласно Л. С. Цветковой, нарушения предикации на уровне внутренней речи следует рассматривать как нарушения грамматического согласования.³

Такие частные проблемы предикации, несомненно, играют большую роль в исследовании процесса внутренней речи. Однако ответить на вопрос, как же строятся и на чем основаны предикативные отношения, они не могут. Л. С. Выготский, разбирая проблему предикативности внутренней речи, четко обозначил то направление, по которому должно вестись исследование. Предикативность внутренней речи Л. С. Выготский рассматривает как соотношение «фона сознания», «психологического поля» и «смысловой ткани», но, к сожалению, это положение остается им не раскрытым. Сравнивая предикативность внутренней речи с предикативностью устной речи, Л. С. Выготский отмечал, что «сами себе мы никогда не должны сообщать, о чем идет речь. Это всегда подразумевается и образует фон сознания... Поэтому внутренняя речь, если бы она даже сделалась слышимой для постороннего человека, осталась бы непонятной никому, кроме самого говорящего, так как никто не знает психологического поля, в котором она протекает...».⁴ К сожалению, не многие исследователи обращают внимание на это положение Л. С. Выготского о предикативности. Существует мнение о том, что «...идея

¹ Л. С. Выготский, Мышление и речь («Избранные психологические исследования», М., 1956, с. 359).

² А. Р. Лурия, Мозг человека и психические процессы, М., 1963.

³ «Проблемы афазии и восстановительного обучения», под ред. Л. С. Цветковой, М., 1979.

⁴ Л. С. Выготский, указ. соч., с. 266.

Выготского о предикативности упрощена, хотя в основе и правильна»⁵ По П. М. Гринфилду, феномен предикативности, рассмотренный Л. С. Выготским как основная характеристика внутренней речи, не является особенностью внутреннего процесса, а выступает как «общая черта речевого общения». Он считает, что «...сокращенность речи—это не характеристика речи для себя, а скорее часть социальной речи с самого начала речевого развития, продолжающаяся и во взрослом состоянии».⁶

Сопоставление предикативности речевого общения и предикативности внутренней речи возможно как сопоставление двух различных уровней, на одном из которых имеет место соотношение психологического поля и внутрениречевых единиц, на другом—контекста и субъектно-предикативных отношений. Основное различие, которое необходимо учитывать, выражается в том, что первое соотношение представляет внутренний психический процесс.

Мы не будем здесь рассматривать полностью концепцию Л. С. Выготского о психологической предикации. В данной работе нас интересует непосредственно суть самих предикативных отношений. Хотелось бы отметить, что многие проблемы, затронутые Л. С. Выготским, так и не были детально им рассмотрены, не нашли своего решения.⁷ Как уже было отмечено, заслуга Л. С. Выготского в том, что он при первом подступе к проблеме указал то направление, по которому данная проблема должна исследоваться.

Внутренняя речь на данном этапе развития проблемы выступает как единая конструкция с многоуровневым строением. В основе конструкции—абсолютная психологическая предикация. По Выготскому, предикативные отношения рассматриваются как соотношение между «психологическим полем» и «смыслами». При этом встает ряд вопросов, от решения которых зависит дальнейшая разработка проблемы внутренней речи. И один из основных—это вопрос о том, что представляет собой «психологическое поле». Для того, чтобы решить проблему предикации, необходимо найти решение еще одного вопроса—что считать единицей внутренней речи.

Работа функциональных систем высших психических функций человека возможна, как отмечает А. Н. Леонтьев, при наличии трех образующих сознания: чувственной ткани, предметного содержания и личностного смысла. Возможность различать «феноменальное поле» чувственной ткани и предметно значимые образы (предметное содержание) является отличительной чертой человеческого сознания.⁸

⁵ П. М. Гринфилд, Соотношение целенаправленной деятельности и речи («Психологический журнал», 1981, т. 2, № 4, с. 126).

⁶ Там же.

⁷ В. В. Давыдов, Л. А. Радзиховский, Теория Л. С. Выготского и деятельностный подход в психологии («Вопросы психологии», 1981, № 1).

⁸ Чувственная ткань представлена в сознании двояко. «Феноменальное поле» представляет собой непосредственно чувственную ткань, это есть чувственная ткань «сама по себе». Второе выражение—это то, в чем существует для субъекта предметное содержание (А. Н. Леонтьев, Деятельность. Сознание. Личность, М., 1977, с. 137).

Такое различие возможно только на основе предметной деятельности человека. В процессе трудовой деятельности человеку была презентирована «психическая реальность», которая отражает на высшем психическом уровне объективно существующий мир. «Психическая реальность» открыла субъективный мир сознания, благодаря которому стали возможны высшие психические процессы.

Базис процесса мышления составляет чувственная ткань сознания, но не как существующая сама по себе, а «...как то, в чем существует для субъекта предметное содержание».⁹ Сама по себе чувственная ткань, которая приводит субъекта к безотчетному переживанию чувства реальности, составляет лишь фон, на основе которого происходит процесс мышления. Чувственная данность или «феноменальное поле» еще не составляют сознательного уровня человека. Для того, чтобы достичь этого уровня, необходимо освоить эту данность, эти чувственные «ощущения» и затем отразить их в сознании.

Возможность различать этот фон, который А. Н. Леонтьев назвал «феноменальным полем», и предметно—значимые образы (предметное содержание), «дифференцировать восприятие реального мира и свое внутреннее феноменальное поле»—вот тот момент, от которого берут начало высшие психические процессы. Иначе говоря, для того, чтобы возникло мышление, необходимо, чтобы предметный мир выступил для субъекта как существующий вне его сознания; в сознании же презентруется чувственный образ с предметным содержанием.

Проблема чувственного образа разрабатывается в связи с процессами восприятия. Экспериментальные данные привели к выводу об амодальной схеме объективного мира, существующей в сознании. Амодальная схема не отвергает принятого представления о полимодальном чувственном восприятии. Оба эти вывода неотделимы. Как замечает С. Д. Смирнов, «амодальная схема мира как один из полюсов диполя не может существовать при разрыве ее связей с той или иной формой чувственности».¹⁰ Очевидно, это положение можно рассматривать как общетеоретическое для всех полимодальных процессов так же, как и положение о единицах и элементах. В качестве примера можно обратиться к исследованиям мышления. Говоря о модальностях мышления, как правило, рассматривают сам процесс как амодальный. Как показывают физиологические исследования, модальности возможно различать лишь при патологиях.¹¹

Однако здесь встает другой вопрос. если различные модальности восприятия очевидны, то модальности мышления до сих пор не имеют четкой характеристики, что иногда приводит к замене модальностей мышления различными уровнями этого процесса.

⁹ Там же.

¹⁰ С. Д. Смирнов, Мир образов и образ мира («Вестник МГУ», серия 14, 1981, № 2, с. 28).

¹¹ «Теоретические основы патологических состояний», под ред. Н. П. Бехтеревой, Л., 1980.

Еще один важный момент, который необходимо отметить, это вопрос о единичности восприятия. Сам по себе образ не может выступать как самостоятельная единица. Единичный образ в отрыве от образа мира не может ориентировать ни одного движения или действия. «Ориентирует не образ, а вклад этого образа в картину мира»¹². Образ мира рассматривается как «система экспектаций, порождающая объект—гипотезы, на основе которых идут структурирование и предметная идентификация отдельных чувственных впечатлений»¹³. В рамках функционального анализа, по предположению В. В. Столина¹⁴, образующие сознание предметное значение и личностный смысл образа предшествуют его переживанию и задаются контекстом деятельности, т. е. актуализированной частью образа мира. Мы не случайно затрагиваем этот вопрос. Дело в том, что во внутренней речи часто в качестве единицы выделяются изолированные «значения», «смыслы», «образы». Против такой точки зрения и выступают в своих исследованиях В. В. Столин, С. Д. Смирнов и др.¹⁵.

Вернемся к трем образующим сознания и рассмотрим, как интерпретируется в литературе понятие «предметное содержание».

Ребенок еще на ранних этапах развития, как указывает П. Я. Гальперин, усваивает предметно отнесенные значения, затем он овладевает и логическими операциями (вначале во внешней форме), «интериоризуясь, они образуют отвлеченные значения, понятия, а их движение составляет внутреннюю умственную деятельность в «плане сознания»¹⁶. Значения связаны, с одной стороны, с объективным миром, предметное содержание которого они передают, с другой же стороны, значения связаны с субъектом, живущим в этом мире. Каким же образом выражается в значении предметное содержание? Необходимо отметить, что во многих работах, в частности это касается работ по психолингвистике, значение связано с понятием знака и определяется как «материальное языковое тело», т. е. идеальная форма существования предметного мира в языке обретает свое материальное воплощение в значении. Значение берется как нечто статичное, рассматривается вне процесса. Такой подход не может привести к сколь-нибудь существенным результатам в исследовании.¹⁷ Существует и другое направление в развитии проблемы значения. По определению А. Н. Леонтьева, значение характеризуется как все то, что стало достоянием сознания, как обобщенный образ отражения действительности, который не сводится только к языковым значениям, а включает в себя и знания и действия, выработанные в процессе становления человека. «...Значение—это ставшее достоянием

¹² С. Д. Смирнов, указ. соч., с. 25.

¹³ Там же, с. 24.

¹⁴ В. В. Столин, Исследования порождения зрительного пространственного образа («Восприятие и деятельность», М., 1976).

¹⁵ В. В. Столин, указ. соч.; С. Д. Смирнов, указ. соч.

¹⁶ А. Н. Леонтьев, Деятельность. Сознание. Личность, с. 142.

¹⁷ А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, М., 1981.

моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многосторонности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как обобщенного «образа действия», нормы поведения и т. п.». ¹⁸ Согласно такому определению, значение, помимо вербальной, может быть воплощено и в невербальную форму. Вербальные значения существуют на чувственной основе слова, а невербальные — на базе перцептивного образа. С одной стороны, этот процесс преломляется сквозь личностный смысл. Если значение несет знание о предмете, то личностный смысл выражается в субъективном отношении к этому предмету. В каждом значении, будь то вербальное или невербальное, выражается смысл. Не существует значения без смысла, так же, как не существует «неозначающего» смысла. По определению А. Н. Леонтьева, «смысл создается отражающимся в голове человека объективным отношением того, что побуждает его действовать, к тому, на что его действие направлено как на свой непосредственный результат». ¹⁹

По всей вероятности, при изучении таких процессов, как мышление и, в частности, внутренняя речь, нельзя рассматривать изолированно значение или смысл. При таком подходе происходит отход от психологического исследования, так как при разделении этих понятий психического процесса как такового не существует.

Нет сомнения, что все три образующие сознания входят в «психологическое поле». Однако помимо этого существуют и другие феномены, входящие в «психологическое поле», иначе оно было бы просто сведено к «фону сознания».

Обратимся к экспериментальным данным. Анализ детской эгоцентрической речи, экспериментальные исследования патологии речи позволяют предположить, что одной из образующих «психологическое поле» выступает контекст. Больной, страдающий динамической афазией, «не схватывал» речевой структуры сразу; для понимания текста ему нужно было проводить анализ смысловых отрывков, только опираясь на развернутое проговаривание, закрепление и толкование отдельных слов и словосочетаний, достигалось понимание. Когда же внешняя речь отсутствовала, больной был не в состоянии определить смысловые отношения и создать четкую смысловую структуру. Предполагалось, что такие дефекты возникают из-за нарушения внутреннего анализа контекста. Как отмечал А. Р. Лурия, в данном случае «...нарушение понимания связано не столько с первичным дефектом усвоения логико-грамматических структур, сколько с нарушением высокоавтоматизированного протекания речевых процессов, в основе которого лежит своеобразное нарушение внутренней речи». ²⁰

Таким образом, в данном случае можно предположить, что внутренние операции, которые должны, очевидно, протекать на уровне вну-

¹⁸ Там же, с. 299.

¹⁹ Там же, с. 300.

²⁰ А. Р. Лурия, Мозг человека и психические процессы, М., 1963, с. 237.

тренней речи, были перенесены во внешнюю речь и выступали как опора в процессе понимания. Следовательно, во внутренней речи был нарушен контакт между предципируемым членом и одной из модальностей «психологического поля». Соответственно эта модальность представлена в громкой речи в качестве контекста, а операции, проводимые большим во внешней речи,—внутреннеречевые операции.

Контекст представляет собой особый предмет исследования. Но, к сожалению, исследования ведутся большей частью лингвистические, в которых контекст рассматривается с логико-грамматической стороны. Некоторые аспекты психологического контекста в проблеме порождения высказывания рассматривает А. А. Леонтьев.²¹ Проблема контекста как модальности «психологического поля» требует очень тщательного исследования.

К «психологическому полю» относится, по всей видимости, и явление установки. Опять-таки обратимся к физиологическим экспериментам. Двигательной и мыслительной деятельности предшествуют так называемые опережающие процессы, зафиксированные в виде своеобразных медленных волн в коре головного мозга.²² Интенсивность волн изменяется в зависимости от вероятности появления сигнала. В деятельности человека в обычных условиях эти опережающие процессы могут быть вызваны внутреннеречевыми сигналами.²³ В психических процессах такого рода сигналы рассматриваются как установка. Структура установки в той трактовке, которая имеется на сегодняшний день, выглядит несколько расплывчатой. «Психологические установки могут включать в свою структуру не только мотивы поведения, но и активность восприятия, направленность мыслительной деятельности, процессы вынесения решений и многое другое. Все эти феномены, включаясь в структуру установки, подчиняются законам установок и вследствие этого могут, в частности, появляться как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне».²⁴ Анализ развития теории установки дается О. К. Тихомировым.²⁵

Можно привести большое количество работ по установке, где рассматривается нерасторжимая связь между мышлением, речью и установкой.²⁶ Экспериментальные исследования Р. Л. Гертцога привели к очень интересным, на наш взгляд, результатам. По физиологическим основам установка, как отмечает А. С. Прангишвили, может быть рас-

²¹ А. А. Леонтьев, Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, М., 1969, с. 165—166.

²² А. Р. Лурия, Мозг человека и психические процессы.

²³ С. Н. Раева, Микроэлектронные исследования активности нейронов головного мозга человека, М., 1977.

²⁴ «Бессознательное», под ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина, т. III, Тбилиси, 1978, с. 34.

²⁵ О. К. Тихомиров, Теоретические проблемы исследования бессознательного («Вопросы психологии», 1981, № 2).

²⁶ А. С. Прангишвили, Исследования по психологии установки, Тбилиси, 1967.

смотрена как процесс. Эксперименты Р. Л. Гертцога показывают, что установка должна рассматриваться как механизм «катализатор», который регулирует интеграцию психических процессов. «Установка представляет собой механизм, по своей природе близкий к коду или фильтру, который является важной детерминантой переработки информации». ²⁷ При таком подходе установка и выступает как одна из образующих «психологическое поле».

Таким образом, перечисленные нами феномены составляют «психологическое поле», на основе которого протекают внутреннеречевые психические процессы. Три образующие сознания, контекст, установка представляют собой различные модальности со сложной уровневой системой. Список образующих «психологическое поле», несомненно, может быть пополнен. Во внутренней речи «психологическое поле» должно рассматриваться не как сумма различных модальностей, а как единое поле, в котором выбор уровня образующих его зависит от целей действия.

Мы обратились к «психологическому полю» в связи с проблемой предикации внутренней речи. Несмотря на то, что во всех работах по внутренней речи предикация отмечается как основная характеристика процесса, ответа на вопрос, какое место в структуре внутреннеречевого процесса занимает предикация, нет. Для того, чтобы на него ответить, необходимо остановиться на вопросе о единицах внутренней речи.

Начало анализа любой проблемы требует четкого выделения единиц. Исследование внутренней речи находится далеко не на начальном этапе, однако почти в каждой работе, где дается анализ внутренней речи, автор вынужден указывать, что он принимает за единицу внутреннеречевого процесса. Такими единицами выступают представления слов, предметно-образный код, смыслы ²⁸. Как известно, психологическая единица была выделена Л. С. Выготским как «...такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства» ²⁹. Каковы же требования к единице психологического анализа? ³⁰

Единица представляет собой структурное образование, содержащее в себе свойства целого.

Единица должна быть способна к развитию и к саморазвитию.

Выделение единиц в сложном психическом процессе создает возможность синтетического изучения свойств, присущих какому-либо сложному единству.

²⁷ Р. Л. Гертцог, Характеристика установки лингвистического кода («Экспериментальные исследования по психологии установки», т. IV, Тбилиси, 1970, с. 254).

²⁸ Eugeniusz Grodzinski, Mowa Wewnetzna, Wrocław, Warszawa, Kraków, Cdansk, 1976.

²⁹ Л. С. Выготский, указ. соч., с. 48.

³⁰ В. П. Зинченко, Идеи Л. С. Выготского о единицах анализа психики («Психологический журнал», 1981, т. 2, № 2).

Единицы анализа должны позволять исследовать отношение изучаемой психологической функции (или процесса) ко всей жизни сознания в целом и к другим функциональным системам.

При определении единиц внутренней речи необходимо учитывать языковую обусловленность процесса. Благодаря языковой форме выражения процессы непосредственной предметной деятельности осуществляются во внутреннем плане. При этом функция этого речевого процесса определяется как познавательная внутренняя словесная мыслительная деятельность. Явления интериоризации и экстериоризации приводят к заключению о том, что все внутренние процессы имеют свои аналоги в предметной внешней деятельности человека. Экспериментальные исследования операциональной структуры высших психических функций, проводимые в последние годы, дали интересные результаты. На уровне высших психических процессов обнаруживаются такие действия, которые не имеют места во внешней предметной деятельности.³¹ Эти данные свидетельствуют о том, что различные внешние действия, интериоризуясь во внутренней форме, продолжают развиваться, приобретая качества, не существующие в первоначальной внешней предметной деятельности. Интериоризация—это, по словам А. Н. Леонтьева, не перемещение во внутренний «план сознания», а формирование этого внутреннего плана²².

Переход от внешней деятельности к внутренней представляет собой активный процесс с рядом преобразований. Н. А. Бернштейн выразил это так: «Мозг не запечатлевает поэлементно и пассивно вещественный инвентарь внешнего мира и не применяет тех примитивных способов разделения этого мира на элементы, ...которые моделируют этот мир... Этот процесс, или акт мозгового моделирования мира, при всех условиях реализуется активно».³³

В качестве единицы как внешнего материального, так и внутреннего «умственного» процесса выступает действие. В чем заключается разница между единицами внешней деятельности и единицами внутренней деятельности? Во-первых, внутреннее действие, выступая как единица психического процесса, представляет собой превращенную форму внешней деятельности. Это уже автономизированные и освобожденные от непосредственной внешней опоры действия со сложной уровневой операциональной системой. Но, как замечает В. П. Зинченко, «при любых формах автономизации внутренних действий сохраняется их генетическая связь с действиями матерными, практическими, ... с источником, их породившим».³⁴

Во-вторых, очень важным моментом в исследовании внутренних действий является учет уровневой организации процесса осознания.

³¹ Там же.

³² А. Н. Леонтьев, Деятельность. Сознание. Личность, с. 99.

³³ Н. А. Бернштейн, Очерки по физиологии движений и физиологии активности, М., 1966, с. 286, 287.

³⁴ В. П. Зинченко, указ. соч., 128.

Необходимо различать содержание актуально осознаваемое и лишь оказывающееся в сознании.³⁵ Модель уровневой системы на основе анализа движения дает Н. А. Бернштейн. «Таким образом, постепенно, в результате ряда последовательных переключений и скачков, образуется сложная многоуровневая постройка, возглавляемая ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре двигательного акта и реализующим только самые основные, решающие в смысловом отношении коррекции. Под его дирижированием в выполнении движения участвует далее ряд фоновых уровней, которые обслуживают фоновые или технические компоненты движения... Процесс переключения технических компонентов управления движением в низовые, фоновые уровни есть то, что называется обычно автоматизацией движения»³⁶. Осознается только ведущий уровень действия. Определение же уровня зависит от установки, которая задается целью действия.

Учитывая все приведенные выше факты, заметим, что в процессе внутренней речи наблюдается непосредственная зависимость элементов с психологическим полем. Основная линия такой взаимосвязи выступает в виде абсолютной предикации, которая и должна рассматриваться как действие во внутренней речи, т. е. выступать в роли единицы процесса. Ничто так, как процесс предикации, не отвечает всем тем требованиям, которые предъявляются единице деятельности. Предикация выступает как структурное образование, состоящее из предизируемых элементов. Синтетическое изучение процесса внутренней речи возможно только посредством исследования предикативных отношений этих элементов.

ՆԵՐՔԻՆ ԽՈՍՔԻ ՀՈԳԵՐԱՆԱԿԱՆ ՍՏԱՏՈՒՄԸ

ԿԱՐԻՆԵ ԾԱՏՈՒՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Ներքին խոսքի ուսումնասիրությունը հանգեցնում է պրեդիկացիայի պրոբլեմին, որի հիմքում դրված է Լ. Ս. Վիգոտսկու այն դրույթը, ըստ որի ներքին խոսքի պրեդիկատիվությունը պետք է դիտել որպես «հոգեբանական դաշտի» և «իմաստային հենքի» հարաբերություն: «Հոգեբանական դաշտը» մեկնաբանվում է որպես մեկ միասնական ամբողջություն, որի մեջ մտնում են գիտակցության երեք բաղկացուցիչ մասերը. զգայական հենքը, առարկայական բովանդակությունը, անձնային իմաստը և դիրքորոշումը որպես հոգեբանական կոնտեքստ: Ներքին խոսքի հիմքում ընկած է այդ տարրերի փոխադարձ կապը: Ընդ որում, պրեդիկացիան այդ կապի էությունն է: Առաջ է քաշվում այն միտքը, որ տարրական հոգեբանական գործողություն պրեդիկացիան կարող է համարվել ներքին խոսքի պրոցեսի միավոր:

³⁵ Э. С. Бейн, Т. Г. Визель, О неосознаваемой психической деятельности при некоторых формах восприятия речи больными с афазией («Бессознательное», т. III).

³⁶ Н. А. Бернштейн, указ. соч., с. 99—100.